

Прагматика и семиотика денег в художественном мире

В. М. Шукшина²

В 1919 году в проекте программы партии В. И. Ленин декларировал: «РКП будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготовляющих уничтожение денег» [Ленин, 1969, с. 100]. На практике из этой авантюры ничего не вышло, мечтать о мире, в котором нет денег, продолжали лишь авторы утопических романов.

Правда, Н. С. Хрущев попытался реанимировать идею, провозгласив в докладе «О программе КПСС» на XXII съезде партии: «Мы руководствуемся строго научными расчетами. А расчеты показывают, что за 20 лет мы построим в основном коммунистическое общество» [Хрущев, 1962, с. 167].

В начале своего творческого пути Шукшин – автор таких соцреалистических произведений, как рассказы «Правда» (1961) и «Коленчатые валы» (1962) верил (или, во всяком случае, делал вид, что верит) в ключевые лозунги хрущевской эпохи. Однако к концу шестидесятых годов Шукшин со многими иллюзиями расстался. В первую очередь это касается утопической надежды на скорое наступление коммунистической эры.

Отсюда та ирония по поводу перспективы отмены денег при коммунизме, которая сквозит во фразе героя рассказа «Постскриптум» (1972): «Но вообще город куда ближе к коммунизму, чем деревня-матушка. Были бы только деньги» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 9]. Шукшин прозрачно

¹ Кулапин Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия; iskander58@mail.ru

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

намекает на известный советский анекдот: «Группа революционеров в сибирском остроге спорят о том, будут ли при социализме деньги. “Конечно, будут”, – говорит один. “Нет, не будут!” – горячится другой. “Товарищи, давайте рассуждать диалектически, – вмешивается в спор третий. – У кого-то они будут, а у кого-то – нет”» [Мельниченко, 2014, с. 159].

Деньги у Шукшина – это атрибут именно городской жизни. Об этом, в частности, рассуждает герой киноповести и фильма «Печки-лавочки» (1972) Иван Растворгусев. «– Но в городе я на эти сто двадцать рублей... интересней проживу. В городе у меня все под боком: и магазин, и промтовары, и парикмахерская, и вино... А у себя-то я со своим рубликом еще побегаю поищу – где пальтишко девчонке купить, где рубаху себе, где пальто демисезонное супруге... За любым малым пустяком – в райцентр. А до райцентра – семьдесят километров. Да еще приедешь, а там тоже нету» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 262-263]. С той же проблемой сталкиваются герои второй книги романа «Любавины»: «Деньжонки есть. Вот купить на них нечего, вот беда. Это ж в город приходится ездить за каждой мелочью» [Шукшин, 2014, т. 2, с. 269].

Советская деревня, в отличие от города, жила почти натуальным хозяйством, что неоднократно отмечалось социологами и антропологами: «...Для жителей деревень в большей степени был характерен натуальный обмен, чем товарно-денежные отношения. Таким образом, можно заключить, что обладание деньгами было для традиционного села ситуацией не только нехарактерной, но и исключительной» [Петров, Мороз, 2013, с. 120].

Пушкинский Скупой рыцарь из одноименной маленькой трагедии испытывал высшее блаженство в тайном подвале возле «верных сундуков», наполненных золотом. Он «царствует», но его терзает тревожная мысль о сыне: «Мой наследник! / Безумец, расточитель молодой, / Развратников разгульных собеседник! / Едва умру, он, он! Сойдет сюда / Под эти мирные, немые своды / С толпой ласкателей, придворных жадных. / Украв ключи у

трупа моего, / Он сундуки со смехом отопрет, / И потекут сокровища мои / В атласные диравые карманы» [Пушкин, 1978, с. 297].

Старик Наум Евстигнеич из рассказа «Космос, нервная система и шмат сала» (1966), как и пушкинский герой, тоже «часто спускается в погреб, сядет на приступку и подолгу задумчиво сидит. “Черти драные. Тут ли счас не жить” – думает он и вылезает на свет белый. Это он о сыновьях и дочери. Он ненавидит их за то, что они уехали в город» [Шукшин, 2014, т. 3, с. 8].

Разница в содержимом сокровищниц двух скупцов. В погребе «скряги» Евстигнеича «чего только нет – сало еще прошлогоднее, соленые огурцы, капуста, арбузы, грузди… Кадки, кадушки, туески, бочонки – целый склад, в кладовке полтора куля доброй муки, окорок висит пуда на полтора» [Шукшин, 2014, т. 3, с. 8]. Есть все кроме золота и денег.

Мир города деньгоцентричен. Здесь даже человек, «измеряемый деньгами», «подобно всему, становится в разных своих ипостасях объектом обозначения денег, т. е. товаром» [Лукин, 2013, с. 63]. Когда Кондрашин из рассказа «Мнение» (1972) говорит хорошенъкой секретарше шефа: «Вы сегодня выглядите на сто рублей, Наденька», – это вовсе не комплимент, а буквальное обозначение ее цены. Перед этим Кондрашин думает, что неплохо было бы «потихоньку флиртануть» с «этой дурочкой», но в последний момент отказывается от затеи – ведь «это ж деньги, деньги!..» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 50].

Разговор о деньгах – одно из важнейших табу в культуре. «В “приличном обществе” не принято говорить о зарплатах, долгах, стоимости подарков и т. п., что позволяет считать сами деньги каким-то постыдным элементом» [Никитин, 2016, с. 74]. Среди героев Шукшина есть, однако, немало тех, кто постоянно нарушает это табу. Плановик Чередниченко из рассказа «Чередниченко и цирк» (1970) в ходе сватовства к циркачке Еве то и дело возвращается к величине своего оклада, вдвое превышающего зарплату «невесты». Свояк Сергей Сергеевич из одноименного рассказа (1969) кичится невиданными северными заработками: он, окончивший «пять

классов, шестой коридор» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 8], имеет «профессорское жалованье» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 10]. В «Калине красной» (1973) Егор Прокудин, стараясь при первой встрече произвести на Любу Байкалову впечатление, похваляется: «Иногда я бываю фантастически богат, Люба. Жаль, что ты мне не в эту пору встретилась...» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 223].

Эти герои абсолютно уверены, что все покупается и продается. До известного момента обоснованность такого убеждения подтверждается реальностью. Шофер остановленной Егором «Волги» не соглашается его везти, тогда он просто достает из кармана пачку денег, показывает их, и уже ни о чем не спрашивая, садится в машину [Шукшин, 2014, т. 6, с. 210]. Так же уверенно Егор покупает у водителя транзисторный магнитофон. Узнав, что он стоит двести рублей, небрежно бросает: «Беру за триста. Он мне понравился» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 212]. Возможность отказа от столь выгодной сделки даже не рассматривается.

В фильм «Калина красная» Шукшин добавляет почти абсурдный эпизод, которого не было в киноповести. Егор приценивается к теплоходу, спрашивая у случайного попутчика: «Сколько стоит эта машинка?» Довольно точный аналог этой сцены есть в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Остап Бендер, наконец-то заполучивший миллион, уверен, что легко может приобрести самолет: «Я покупаю самолет! – поспешно сказал великий комбинатор. – Заверните в бумажку» [Ильф, Петров, 1961, с. 336].

Бендеру придется ограничиться покупкой верблюда. Егору Прокудину повезет еще меньше. Он не сможет купить даже белье, чтобы сходить в баню, и ему придется довольствоваться кальсонами бывшего мужа Любы. Из мира всевластия денег, шукшинский персонаж попадает в мир, где деньги не играют почти никакой роли.

Впрочем, деньги сами по себе героев Шукшина интересуют мало. Константин Смородин («Пьедестал», 1973) даже участвуя в изготовлении фальшивых банкнот, «вовсе не думает о деньгах», «о том, чтобы иметь их

много-много. Ему нравилось, что его, самодельного художника, признают талантливым, что где-то кто-то очень нуждается в его работе, и он старался делать, что ему положено было делать, хорошо» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 161].

Егор Прокудин называет деньги «вонючими» и, по его собственным словам, «вполне презирает» их. «— Презираешь, а идешь из-за них на такую страсть», — удивляется Люба. — «Я не из-за денег иду», — отвечает Егор. Но когда Люба пытается уточнить: «Из-за чего же?» — внятного ответа не последует [Шукшин, 2014, т. 6, с. 223]. В какой-то мере понять мотивы героя «Калины красной» помогает одно воспоминание Шукшина. В наброске «Только это не будет экономическая статья...» (1967) писатель рассказывает, как однажды обронил в магазине 50-рублевую купюру. Показательно, что больше всего его огорчает не потеря денег, а утраченная возможность устроить на них праздник: «Та зеленая дурочка, если к ней еще добавить другие, могла бы устроить дома лишний праздник». [Шукшин, 2014, т. 9, с. 34]. Егору Прокудину тоже очень «нужен праздник» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 238]. И он бесхитростно пытается купить его: «Егор вынул из кармана довольно толстую пачку десятирублевок и двадцатипятирублевок. — А? Их же надо пристроить» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 238]. Однако «пикничка» ожидаемо не вышло [Шукшин, 2014, т. 6, с. 240].

Презирай деньги, Егор Прокудин в то же время, как ни странно, верит в их всесилие. Это противоречие, вероятно, объяснимо теми серьезными изменениями в мифологии денег, которые происходят на рубеже 1960–1970-х гг., в период зарождения русского постмодернизма: «Миф денег-божества», доминировавший в культуре модерна, в культуре постмодерна трансформируется «в *миф денег-стихии*, самостоятельной энергетической сущности, которая существует автономно от человека» [Зарубина, 2007, с. 50].

Герой сатирической повести для театра «Энергичные люди» (1974) Аристарх Кузькин читает жене «курс экономики», вполне постмодернистский по своей сути: «Всякое развитое общество живет

ициативой... энергичных людей. Но так как у нас равенство, то мне официально не могут платить зарплату в три раза больше, чем, например, этому вчерашнему жлобу, который грузит бочки. Но чем же мне тогда возместить за мою энергию? За мою инициативу? Чем? Ведь все же знают, что у меня в магазине всегда все есть – я умею работать! Какое же мне за это вознаграждение? Никакого. Все знают, что я украду. То есть те деньги, которые я, грубо говоря, украл, – это есть мои премиальные. Поняла? Это – мое, это мне дают по негласному экономическому закону...» [Шукшин, 2014, т. 7, с. 165]. Деньги и энергия в экономической модели Кузькина почти отождествляются. Егор Прокудин, судя по всему, тоже ощущает «энергетическую сущность» денег, когда заявляет официанту ресторана: «Я волнуюсь, потому что мне деньги жгут ляжку» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 238].

«– Деньги... – с трудом говорил Егор последнее. – У меня в пиджаке... раздели с мамой... – У Егора из-под прикрытий век по темени сползла слезинка, подрожала, повиснув около уха, и сорвалась, и упала в траву. Егор умер» [Шукшин, т. 6, с. 266].

Последние слова о деньгах. Ср. Чехов «Крыжовник» «Деньги, как водка, делают человека чудаком. У нас в городе умирал купец. Перед смертью приказал подать себе тарелку меду и съел все свои деньги и выигрышные билеты вместе с медом, чтобы никому не досталось. Как-то на вокзале я осматривал гурты, и в это время один барышник попал под локомотив, и ему отрезало ногу. Несем мы его в приемный покой, кровь льет – страшное дело, а он все просит, чтобы ногу его отыскали, и все беспокоится: в сапоге на отрезанной ноге двадцать рублей, как бы не пропали».

Связь денег со смертью архетипична. Монета – Харону. Егор отправляется в мир мертвых без денег!

Литература

Зарубина Н. Н. О мифологии денег в российской культуре // Социологические исследования. – 2007. – № 3. – С. 43-52.

Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 7-386.

Ленин В. И. Проект программы РКП(б) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 38. Март–июнь 1919. – М.: Политиздат, 1969. – С. 81-124.

Лукин В. А. Семиотика денег: Деньгоцентричность человека и антропоцентричность денег // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2(44). – С. 55-64.

Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 1104 с.

Никитин А. П. Миф денег сегодня // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2016. – № 17. – С. 74-77.

Петров Н. В., Мороз А. Б. Деньги в мифологических представлениях и обрядовых практиках: современная крестьянская традиция // Фетиш и табу: антропология денег в России. – М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2013. – С. 119-146.

Пушкин А. С. Скупой рыцарь // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. – Л.: Наука, 1978. – С. 286-305.

Хрущев Н. С. О программе КПСС // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1962. – 608 с.

Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9-ти т. – Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2014.